

Морозова Ольга Михайловна, доктор исторических наук, Донской государственной технической университет, профессор, Российская Федерация, 344012, г. Ростов-на-Дону, ул. Крайсовпрофовская, 19а, +7 9281540294, olgafrost@gmail.com

Morozova Ol'ga Mihajlovna, Dr. of History, Professor of the Don State Technical University (Donskoj gosudarstvennyj tehničeskij universitet), Russian Federation, 344012, Rostov-on-Don, Krajsovprofovskaja st., 19a, +7 9281540294, olgafrost@gmail.com

***О.М. МОРОЗОВА*, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
В ПОИСКАХ МИРА И СОГЛАСИЯ. ДОНСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ И КАЗАКИ В
1917 ГОДУ**

***O.M. MOROZOVA*, Rostov-on-Don, Russian Federation
IN THE SEARCH FOR PEACE AND HARMONY. THE DON COSSACKS AND
PEASANTS IN 1917**

Аннотация

Основой статьи стали архивные материалы, выявленные в ходе пофондового обследования коллекций Государственного архива Ростовской области при подготовке двухтомного сборника документов «Дон в годы революции и Гражданской войны. Февраль 1917 — март 1920 гг.». Делопроизводственные документы Донского областного исполнительного комитета и войсковых законодательных и исполнительных органов представлены как свидетельства активного поиска общих позиций для сохранения области как очага стабильности. В статье прослежены две сюжетные линии, показывающие развитие отношений двух основных сословий Донской области после февраля 1917 г. Это — взаимоотношение органов казачьего и крестьянского представительства и практика поземельных отношений, влияющая на позицию этих учреждений и испытывающая на себе влияние их политики. Глубокие противоречия между казаками, коренными крестьянами и иногородними, обычно определяемые как главный фактор политического процесса в области, сосуществовали со стремлением к сотрудничеству. Эта тенденция проявляла себя с разной интенсивностью на протяжении этого и последующих лет, подкрепляясь меняющимися мотивами.

Annotation

The article is based on archival material from the collection of documents "The Don in the years of revolution and Civil war. February 1917 — March 1920". Office documents of the Don Executive Committee and the legislative and executive bodies of the Vojsko Donskoe are presented as evidence of active search of a common position, which was to preserve the area as a territory of stability. The article describes two processes of evolution of relations between the

two classes of the Don after February revolution. The first is the relationship of the bodies of Cossacks and peasant representation. The second is practice of agrarian relations that affect the position of these institutions and influenced their policies. A deep contradiction between the Cossacks, the Don peasants and the nonresidents, is usually determined as the main factor of political process in the region, coexisted with the desire to cooperate. This trend manifested itself with varying intensity throughout this and subsequent years through varying motives.

Ключевые слова

Область войска Донского, Войсковой круг, Донской исполнительный комитет, донское казачество, иногороднее и коренное крестьянство.

Keywords

The Don Cossacks, the Cossack Assembly, the Executive Committee of the Don, the Don Cossacks, nonresident and native peasants of the Don.

Послефевральские события на Дону выглядят по-иному, если выстроить в один ряд свидетельства деятельности общегражданских и войсковых учреждений. Как правило, в исследовательской практике они оказывались разорванными между темами, ориентирующимися на сословную и политическую неоднородность действовавших в области сил. А между тем они обречены были на попытки диалога.

Слом старого режима власти открыл широкий горизонт возможностей, к освоению которого приступили не только политики, но и рядовые бывшие подданные, чью инициативу не сковывало и появление нового, пока обожаемого правительства. Большинство интересов жителей аграрной страны вращалось вокруг поземельных отношений. В Донской области решение земельного вопроса было связано со структурой населения. По статистике на территории Дона проживало постоянно 1,28 млн. казаков и 1,21 млн. неказачьего населения. Но в документах можно встретить и иные данные по поводу соотношения среди жителей Дона казаков и неказаков, что связано с «потерей» при подсчете крестьян и мещан, приписанных к другим губерниям. Но они никуда не делись и после февраля 1917 г. пополнили собой ряды претендентов на войсковую землю.

Цены на арендуемые у войска участки упали в годы войны и в 1917 г. не поднялись. Причиной обесценивания арендной земли был недостаток рабочих рук в связи с мобилизацией. После Февраля арендаторы еще более последовательно настаивали на заключении сделок на своих условиях. Возникший 5 марта 1917 г. Донской исполнительный комитет, осуществлявший управление гражданской частью области

войска Донского, оказался втянутым в аграрные отношения через свою деятельность по организации местных исполкомов. Как показывает их переписка, на первых порах Донисполком поддерживал устремления крестьян, рассматривая их как справедливые. Если хозяин земли и крестьяне-арендаторы не смогли столковаться о цене, то земля нередко оказывалась захваченной под попас или распашку при попустительстве представителей Донисполкома. И в апреле 1917 г. захватчики сами считали свои действия вполне законными: они ведь готовы платить за аренду, но столько, сколько готовы сами дать, ссылаясь на «разрешение» местного исполкома и на консолидированное решение сельского схода. Цену иногда сбивали до 75 или 50 коп. за десятину. Примечательны нюансы: бывшим владельцам оставлялся клин земли по трудовой норме с запретом найма рабочих и использования труда военнопленных; выплаты же по окладным листам, то есть налоги, новые хозяева земли готовы были брать на себя¹.

В мае остро встал вопрос о сенокосах. Конкурирующие между собой сельские общества устраивали на спорных лугах массовые драки. С мая Донисполкому уже приходилось, ссылаясь на распоряжения Временного правительства и призывая ждать Учредительного собрания, протестовать против самоуправств, пресекать вольности в арендных отношениях (самовольное, без согласования с законным владельцем назначение платы за пользование землей), требуя обоюдного согласия.

В марте на Дону царил полная свобода и в деле организации новых органов местного управления. Местные комитеты назывались исполнительными и продовольственными и считались одной и той же формой местного самоуправления. Донская область переживала трудные времена, но оставалась источником продовольствия для фронта. От вновь создаваемого самоуправления ожидалась мобилизация продовольственных ресурсов. Поэтому оно поощрялось и военным министерством, и временно исполняющим должность войскового атамана Е.А. Волошиновым, разрешившим переизбрание должностных лиц станичного, хуторского, поселкового управления при наличии такового желания у общества. Это желание оказалось массовым и неконтролируемым. Инициативно создаваемые комитеты декларативно распространяли свою власть и за пределами территории проживания их избирателей, что объяснялось чрезвычайными обстоятельствами и безотлагательной необходимостью создания новых властных органов². На почве дележа полномочий возникали первые конфликты.

Но надо отдать должное, что на протяжении марта преобладало настроение вести дело к согласию между всеми группами населения. Но в апреле казачество стало остывать к идее сотрудничества с крестьянством в рамках комитетов. В станице Цимлянской сложилась ситуация, когда атаман и станичное правление старались управлять

деятельностью станичного исполкома, издавать обязательные для исполнения исполкомом постановления³. Войсковой казачий съезд войска Донского (24—26 апреля 1917 г.) в постановлении «О местных исполнительных комитетах» назвал их желательными, но не обязательными временными общественными организациями, возникшими вследствие государственного переворота. Им предоставлялся ограниченный перечень полномочий⁴. Поступающие в адрес съезда обращения казаков показали существование трех позиций по отношению к владению и распоряжению землей в области. Первая и самая непримиримая предполагала казачье самоуправление без представительства иногородних на основе исключительного права казаков на земли в пределах Дона. Это называлось устройство жизни на Дону по примеру «исторических казачьих основ»⁵. Вторая позиция заключалась в формуле: казачьей земли не отдавайте, а чужой не берите. В данном случае под «своей» подразумевалось 588 тыс. десятин помещичьей, офицерской, чиновничьей земли (по мнению сторонников этого подхода казаков Черкасского округа офицеры и помещики из числа природных казаков добровольно отдадут землю, оставив себе ее в размере трудового надела). Крестьянам они готовы отдать всю частновладельческую землю, принадлежащую ныне неказакам. Третья позиция — «справедливого уравнивания земель казаков и крестьян — коренных жителей Донского края», предлагала признать права коренного населения за коренными донскими крестьянами. Крестьян даже предлагали принять в казаки, наделяя их землей наравне со всеми. Во многом эта позиция была связана с общим фронтовым прошлым уроженцев Дона. Во главе исполкома Казачьего съезда и совета старшин Войскового круга, избранных соответственно в апреле и мае 1917 года, стали сторонники первой линии.

Крестьяне также, хотя и с интервалом в месяц, провели под патронажем ДООИКа свой съезд (14—24 мая 1917 г.). В целом, Донской областной крестьянский съезд был показательной вехой в выстраивании отношений крестьян и казаков на Дону. Он начался с речей о единении. М.П. Богаевский, представитель исполкома Донского казачьего съезда, заверил: «Найдутся пути, чтобы идти вместе». Ораторы-казаки прибегали к перекладыванию вины за несение полицейских функций на старый режим, на царское правительство и даже на нынешнее петроградское правительство. Восторженную атмосферу съезда, в конце концов, пробили вопросы: как обеспечить равенство казаков и иногородних, и как решить проблему задолженности земель. Докладчик Зубрилов заявил, что простой передел земли, не приведет к существенному увеличению наделов. Необходимы меры к развитию интенсивного земледелия. А Богаевский, обратил внимание на тот факт, что земли коренных крестьян нередко находятся на лучших землях. И он

прав. Причина этого в том, что они находились на территории бывших имений казаков-помещиков, которые в свое время занимали лучшие земли.

Основные положения о земле, принятые на съезде, содержали тезисы об общенародном достоянии на землю, об уравнильно-трудовом пользовании, запрете аренды земли исполку, воспрещении сделок по купле-продаже земельной собственности. Не удивительно, что начались захваты земли, установление самовольных «облогов» — волостных сборов, неуплата которых грозила конфискацией земли и имущества. Жертвами этих мер становились владельцы участков в более чем 100 десятин. Донисполком схватился за голову и стал слать на места циркуляры о запрете самоуправства. Областной комитет впал в грех мелкотемья и занялся разбором сотен местных конфликтов, вникая в частности и детали без гарантии успеха.

В постановлениях съезда была заложена еще одна мина. Он признал необходимым отправить в Учредительное собрание требование о передаче в общенародный земельный фонд и его областную часть не только общинную и частновладельческую землю, но и юртовую. Следующий пункт о приоритетном сохранении права на нее землеробов области — казаков, крестьян и иногородних на фоне первого терялся.

Съезд провозгласил создание областного крестьянского союза и советов крестьянских депутатов как его исполнительных органов. К слову, в Донской области не было опыта создания советов в годы революции 1905 г. Вот так они появились на Дону по команде сверху при сохранении уже существовавших исполнительных (или продовольственных) комитетов.

В своей политике на местах Донисполком стремился сохранить за комитетами межсословный характер. Его эмиссары уговаривали крестьянских делегатов не покидать станичные и хуторские комитеты. При этом он разяснял, что участие окружных и станичных атаманов в работе исполкомов на правах его членов недопустимо, чему было дано вполне разумное обоснование: не может же атаман сам за собою надзирать, ведь исполком — контрольный орган. Разрешение конфликтов комитеты видели в смещении неугодных атаманов и выборах новых. Атаманы же тосковали о временах без комитетов.

Но казаки капитулировать не хотели. Донской Войсковой круг 1-го созыва (26 мая—18 июня 1917 г.) повел линию на оттеснение Донисполкома от претензий на областную власть: попросил совет министров и военного министра о прекращении его поддержки, отобрал печатный орган «Вольный Дон», бывшие «Донские областные ведомости», отозвал всех казаков-депутатов, выселил из Атаманского дворца в Новочеркасске.

Столкновения между сторонниками трех линий отношения казачества к земельному фонду продолжились. Мотивировка готовых поделиться землей учитывала низкую ценность земли в восточных округах, что связано с засушливостью степей, низкой урожайностью и частыми неурожаями, поэтому казакам важнее условия общественной ситуации, а не вопрос о владении землей. Их противники обращали внимание на то, что наделение крестьян землей означало еще большее сокращение среднего надела. Кроме того, прием крестьян в казаки будет означать общее расказачивание. Они предлагали крестьянству заселять другие, неосвоенные земли, например, Сибири и Туркестана. Кстати, донские коренные крестьяне — частновладельцы поддерживали эту позицию⁶. На настроения депутатов Первого Войскового круга оказали влияние и высказывания, прозвучавшие на прошедшем накануне крестьянском съезде. А там, по словам казаков, делили их землю и кричали ура. Опасения, что претензиям крестьян не будет предела, звучали неоднократно на круге. Выступавшие на круге представители крестьян просили не высылать их на север, ведь они уже Россию не знают, родились здесь, просили наделить их землей наравне с коренными, говорили, что времена меняются, и скоро Дон будет промышленным, и главным станет не земля, а рабочие руки, которые дают крестьяне⁷.

Несмотря на настороженное отношение к посягательствам на казачьи права и привилегии победила достаточно умеренная резолюция: 1) казачьи земли сверх трудовой нормы — офицеров и чиновников — отходят в донскую войсковую общину; 2) частновладельческие земли сверх трудовой нормы отчуждаются в фонд, из которого наделяется землей безземельное и малоземельное коренное крестьянское население; остаток этого фонда поступает в земельный фонд донской войсковой общины⁸. Предложение о приеме крестьян в казаки не прошло.

Тем временем ситуация в сельской местности обострялась. В Сальском округе сезонные рабочие образовали союз, установили норму оплаты труда и потребовали от коннозаводчиков, чтобы они принимали рабочих только по представлению этого союза. Когда те не согласились на второе предложение, союз заявил, что зимовники их будут отобраны. Приехавший в округ член Государственной думы М.С. Воронков отмечал в разговорах с рабочими, что земля принадлежит войску, а не заводчикам, те не видели в этом особой разницы⁹. По-видимому, в связи с экономической ситуацией, аграрными конфликтами и продовольственными трудностями появилась идея создания объединенного областного правительства. Инициатива исходила от управы облысполкома, предложившей Малому войсковому кругу 4 августа 1917 г. образовать высший орган

гражданской власти с равным представительством от Войскового правительства и от управы¹⁰. Но в этот момент эта инициатива не получила развития.

В отношении событий по всей России корниловский мятеж сыграл провоцирующую роль. На Дону это выразилось в компрометации атамана Каледина. Сигнал из центра был воспринят как ставящий казачество вне закона. Очевидец событий казак А. Шумилин так охарактеризовал атмосферу сентября 1917 г.: «...Начались трения между казаками и крестьянами, почувствовавшими себя хозяевами положения. Эти трения быстро перешли в открытое озлобление. Это затаенное озлобление, основанное на зависти к казакам, было всегда у донских крестьян, но теперь оно, вследствие свободы, вспыхнуло и вылилось в действия. В крестьянские слободы из Новочеркасска посылались груженные повозки с оружием, патронами и даже пулеметами, под предлогом самообороны от нападения кочующих партизан»¹¹. Нарастало взаимное недоверие между крестьянами и казаками. Иногородний Батиенко писал сыну в действующую армию: «Ты пишешь, что [все] равны — свобода, но у нас на Дону нет ничего этого, н[о] во всей России это есть. Казаки хотят отделиться от России и присоединиться в союз с Китаем и японцами и хотят идти тогда войной на Россию. Это они говорят, они, казаки, не хотят, что бы мы шли с ними вместе, а потому у нас нет ладу с казаками, они с нами ссорятся, так что скоро произойдет с казаками у нас бой, они [сами] налазят»¹².

Тем временем, чтобы снизить остроту земельных споров Большой войсковой круг 7 сентября 1918 г. узаконил положение о частновладельческих землях, поступающих в войсковой земельный фонд для наделения безземельных и малоземельных казаков и коренных крестьян¹³. Это была позиция демократического крыла круга во главе с П.М. Агеевым.

26 октября 1917 г., сразу же после получения известий о большевистском перевороте управа Донисполкома призвала атамана и Донское правительство созвать экстренное совещание для организации объединенной власти в Донской области. Противостоять петроградским большевикам без соглашения с донскими крестьянами было невозможно, что Каледин и Войсковой круг понимали. Другой причиной поворота к объединенной власти была сложная продовольственная ситуация в области, особенно в северных округах — Усть-Медведицком и Хоперском. Хотя Войсковое правительство и объявило хлебную монополию, но ее целесообразнее было осуществлять согласованно, ведь в продовольственные комитеты входили и представители крестьянских союзов.

В ноябре 1917 г. в Ростове-на-Дону, самом крупном городе области, сложилось двоевластие. Там существовал леворадикальный Военно-революционный комитет, меньшевистский совет рабочих депутатов и городская управа, которую контролировали

кадеты. Попытка ликвидации ВРК не удалась, и на семь дней город оказался в руках анархистских, левоэсеровских и большевистских отрядов. После 2 декабря, дня изгнания советских отрядов, войсковое правительство вернулось к идее создания объединенного казачье—крестьянского правительства на Дону. 4 декабря 1917 г. будущий атаман А.П. Богаевский подчеркивал, что оно необходимо не только потому, что войсковому правительству нужна поддержка крестьян, но и для упрочения доверия к нему самих казаков, подозревавших то в реакционности. Опять был поднят вопрос, с кем из крестьян готовы блокироваться казаки. Г.И. Яцков заявил: «От пришлого элемента, горнорабочего, представительства быть не должно, ибо оно борется за уничтожение казачества и Войскового правительства». Оригинальное обоснование этой позиции предложил депутат Герасимов: «Донскую область мы должны рассматривать как автономное государство. В Швейцарии иностранцы не принимают участия в политической жизни страны. Как же мы будем принимать как полноправных граждан иногуберников — иногородних?»¹⁴ В итоге было решено составить правительство из пяти казаков и пяти представителей крестьян, причем распределение мест от неказачьего населения предоставлялось самим неказачьим группам, то есть коренные крестьяне и горожане могли решить этот вопрос положительно по отношению к иногородним.

Объединенное правительство погибло вместе с атаманом Калединым. Надежды на укрепление позиций войскового правительства среди массового казачества не оправдались. Казаки упорно не желали выступать против советских войск, двигавшихся из Центра. Но если бы не было этого наступления, объединенное правительство ожидали бы и другие испытания. Перед самым вступлением в Новочеркасск советских войск Р. Ф. Сиверса был похищен и жестоко убит «эmissар» от неказачьего населения в этом правительстве врач В.В. Брыкин. Позиции несогласных идти на уступки крепили по мере разгорания конфликта.

К сожалению, попытки донских казаков и неказаков найти общую платформу действия в усугубляющейся российской смуте с целью обособления от событий в центре страны, как правило, не удостоивались внимания исследователей, которые больше обращались к проявлениям увеличивающегося раскола. А между тем это опыт, раскрывающий некоторые универсальные аспекты разворачивания кризиса. Дон — территория давнего соперничества и скрытого недовольства, тем не менее, показал, как тяжело запускается механизм конфликта. Многие лидеры и группы населения неоднократно прилагали усилия к поиску консенсуса. А так называемые «безответственные лица», стремящиеся использовать общую сумятицу для выстраивания ситуации «под себя», принадлежали не только к левым или к политическим

авантюристам, но и к консервативным массовым слоям. Немалую провоцирующую роль играл страх внешнего (по отношению к области) вмешательства, готового склонить неустойчивое равновесие в пользу одной из сторон.

¹ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 863. Оп. 1. Д. 18. Л. 57, 74, 75, 111, 161, 238; Д. 79. Л. 3, 12-13, 15. Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti (GARO) [The State archive of the Rostov region]. F. 863. Op. 1. D. 18. L. 57, 74, 75, 111, 161, 238; D. 79. P. 3, 12-13, 15.

² Там же. Д. 4. Л. 17, 19, 20, 21. Ibid. D. 4. P. 17, 19, 20, 21.

³ Там же. Д. 12. Л. 171. Ibid. D. 12. P. 171.

⁴ ГАРО. Ф. 861. Оп. 1. Д. 3. Л. 48-49. GARO. F. 861. Op. 1. D. 3. P. 48-49.

⁵ ГАРО. Ф. 864. Оп. 1. Д. 2. Л. 91. GARO. F. 864. Op. 1. D. 2. P. 91.

⁶ ГАРО. Ф. 861. Оп. 1. Д. 21. Л. 106. GARO. F. 861. Op. 1. D. 21. P. 106.

⁷ Там же. Л. 50, 106, 153, 157. Ibid. P. 50, 106, 153, 157.

⁸ Там же. Л. 173-174. Ibid. P. 173-174.

⁹ Там же. Л. 50. Ibid. P. 50.

¹⁰ ГАРО. Ф. 863. Оп. 1. Д. 22. Л. 33. GARO. F. 863. Op. 1. D. 22. P. 33.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 614. Л. 1-30. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [The State archive of the Russian Federation]. F. R-5881. Op. 2. D. 614. P. 1-30.

¹² ГАРО. Ф. 116. Оп. 1. Д. 15. Л. 62. GARO. F. 116. Op. 1. D. 15. P. 62.

¹³ ГАРО. Ф. 861. Оп. 1. Д. 42. Л. 16. GARO. F. 861. Op. 1. D. 42. P. 16.

¹⁴ ГАРО. Ф. 864. Оп. 1. Д. 20. Л. 1-2, 14. GARO. F. 864. Op. 1. D. 20. P. 1-2, 14.